

ОКСЮМОРОН ВЕНСКОГО КРУЖКА

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14; e-mail: cap-cap@mail.ru

Утверждается, что наследие Венского кружка сыграло очень важную роль в интеллектуальных поисках современной философии. Как бы ни хоронили концепцию логического позитивизма «континентальная философия», или идеологически мотивированные философы, или даже новейшие инициативы современной философии науки, научное миропонимание остается инвариантным. Традиции работы логических позитивистов остаются актуальными как для развития современной философии науки, так и в качестве ориентиров, указывающих путь избавления от пустословия («бессмысленности») политических лозунгов и манифестов.

Ключевые слова: Венский кружок, логический позитивизм, философия науки, верификационизм, научное миропонимание

THE OXYMORON OF THE VIENNA CIRCLE

Natalia I. Kuznetsova – DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences. 14 Baltiyskaya St., Moscow 125315, Russian Federation; e-mail: cap-cap@mail.ru

It is argued that the legacy of the Vienna Circle played a very important role in the intellectual quest of modern philosophy. No matter how the concept of logical positivism is buried by “continental philosophy”, or ideologically motivated philosophers, or even the latest initiatives of the contemporary philosophy of science, the scientific worldview remains invariant. The traditions of the work of logical positivists remain relevant both for the development of modern philosophy of science and as guidelines indicating the way to get rid of the idle talk (“meaninglessness”) of political slogans and manifestos.

Keywords: Vienna Circle, logical positivism, philosophy of science, verificationism, scientific worldview

Памяти философа и друга Александра Никифорова

Оксюморон означает что-то вроде «сочетания несочетаемого». Это лучшее слово для попыток размышлений о судьбе этого удивительного феномена Венской культуры – Венского кружка. Это та призма, которая в данном конкретном случае позволяет увидеть не только «то, что было», но и то, «что видится на расстоянии». Нельзя сказать, что

то, что было, лучше видится на расстоянии, хотя средства познания прошлого, бесспорно, совершенствуются со временем, но последствия каких-то исторических событий, действительно, проявляются только «после», особенно когда дистанция становится значительной. «Прошлое ушло, – справедливо сказал политолог Федор Лукьянов, – настоящее преходяще, а будущее наступит, хотим мы того или нет». Всегда полезно осознавать, в какой точке времени мы выносим суждение о каком-то событии.

Венскому кружку – 100 лет. Можем ли мы, философское сообщество, хотя бы сейчас отдать себе отчет в том, чем обязаны тем, кто откровенно и открыто порвал с философской континентальной традицией, сознательно сжег мосты, которые можно назвать священным словом «традиции»? Не так уж трудно было бы доказать, что традиции «нового философствования» уходят корнями в апории Зенона, парадоксальное учение элеатов, в традиции Аристотелевой логики, наконец! Разве нельзя было усмотреть генезис новой философской школы в искусстве схоластов вести диспуты? Не в Новое ли Время появилась индуктивная логика, необходимость которой провозгласил Френсис Бэкон и о которой они сами так много писали? Как не пристегнуть сюда еще и сенсуализм в качестве родоначальника научного эмпиризма? Нерадивый историк философии, пожалуй, так и поступит, он так и рыщет в поисках «истоков», «предшественников», находит и то, и другое в самых-самых глубинах веков. Но участники Венского кружка признавали только одно направление европейской философии – позитивизм, который, как они и сами понимали, был учением сбивчивым, плохо выстроенным, слабым в концептуальной своей структуре. Позитивизм они приняли, потому что он воспевал науку. Может показаться, что Венский кружок просто хотел эпатировать философское сообщество, хотел именно публичного скандала. Надо признать, что этой цели он тогда добился. Да и сегодня – то же, звуки скандала не стихли. Это видно по курсам истории философии университетских программ, по той усмешливой интонации, с которой профессора континентальной философии только и способны говорить о логическом позитивизме.

Оксюморон начинается уже с именованя. Как следует говорить о Венском кружке: это – ОН или ОНИ? ОНИ были очень разными, ОН имел согласованную платформу, манифест, программу действий, концепцию науки, которую никто из них не оспаривал. Проще ли говорить о неопозитивизме? Кто и когда осознал, что надо говорить о «другом» (не первом и не втором) позитивизме? Надо ли для точности говорить о «позитивизме третьей волны»? То именование, которое Венский кружок сам для себя выработал – «логический позитивизм», уж точно оксюморон. Ведь логика вовсе не индуктивная наука, кто может в этом сомневаться! Классический позитивизм признает только индуктивную науку, все остальное – может быть, интересно и волнующе, но не научно и не входит в сферу напряженного интеллектуального анализа. Где же

искать начало? В 1922 г. Морис Шлик вступает в должность профессора на кафедре философии индуктивных наук Венского университета, произносит свою инаугурационную речь. Венский кружок возникает как постоянно действующий (второй четверг каждого месяца) семинар, и 1924 г. – всего лишь оформление такого расписания (заседания проходили на химическом факультете). Еще в 1907 г. возникла традиция – студенты и молодые преподаватели университета собираются в городском кафе «Централь» и за кофе обсуждают любые волнующие проблемы. Теперь такие посиделки превращаются в регулярный научный семинар. Короче говоря, точности в датах никакой – ни исторической, ни логической, ни онтологической. Но стилистика угадывается: всегда, как бы сама собой, возникает игра в сочетание несочетаемого.

Не похоже ли это на ситуацию из романа Умберто Эко «Маятник Фуко», где герои активно разрабатывают планы работ для кафедры оксюмористики? Предлагается исследовать «урбанистику кочевых племен», «народную олигархию», «диалектику тавтологии» и тому подобное. Зачем бы все это? Удивительное дело, но формула оксюморона позволяет сформулировать скрытое противоречие, обнажить подлинную проблему, оказывается эвристичной. Да ведь сама венская культура, если приглядеться, – сплошной «перевертыш»: изумительные вальсы семейства Штраусов, мастерство Венского оркестра, роскошные музеи и дворцы, безупречная архитектура городской застройки воссоздали – как обратную сторону медали – с такой же яркостью и детальностью портрет бравого солдата Швейка и картину его походов.

«Новаторская традиция» – вот что порождает кафедральный семинар под руководством Шлика, но это же типичный оксюморон! Это – новаторская философия, которая решительно отвергает «философствование»! Допустима ли такая игра на университетской философской кафедре?

Точка экзистенциального выбора

Нет, это не Игра в бисер, известная нам по роману Германа Гессе. Если есть желание понять контуры этой новой Великой Тематической Игры и понять целеустремленность ее акторов, то концепцию Венского кружка надо излагать, начиная повествование словами А.Л. Никифорова: «По-видимому, XIX век закончился лишь с началом I-ой мировой войны, в 1914 году. В августе этого года на полях сражений в Бельгии, Франции, Восточной Пруссии догорала целая эпоха в общем-то довольно мирного развития, обращались в дым идеалы европейского единства и прогресса на основе технического развития. Под грохот пушек рождался новый, гораздо более динамичный и жестокий

XX век с его мировыми войнами, концентрационными лагерями, угрозами глобальных катастроф. И люди, бессмысленно просидевшие четыре года в окопах, испытавшие газовые атаки, стали другими. Их уже не могли взволновать стихи о “Прекрасной Даме”. Образовался разрыв в ткани общественной жизни. Она стала делиться на две части – на “до” и “после” войны» [Никифоров 1998, с. 7]. Нельзя не учесть такой исторический и социокультурный контекст, на который так точно указал Никифоров. Не обошлось и без курьеза, конечно. Александру Леонидовичу указали на несуразность: речь пойдет о Венском кружке, а он, поясняя контекст, приводит в пример известные стихи русского поэта. «Ах, да! – спохватился, немножко смутившись, Никифоров. – Ну, ведь и так все понятно».

Действительно, понятно. Даже в стихотворном цикле Александра Блока далеких 1901–1902 гг. есть строки, которые могут выразить душевное состояние, сопровождающее вернувшихся с полей боевых сражений молодых искателей научной и философской истины:

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Диагноз случившемуся поставил Людвиг Витгенштейн, который сам побывал в окопах, испытал и плен. Виновники тех нелепых до полного безумства действий, которые именуются «войной», – слова. Люди говорят гораздо больше, чем совершают поступков или думают. Когда люди говорят, им кажется, что они думают. Они сначала говорят, потом принимают решения и действуют. Пламенные речи политических лидеров могут буквально снести все инварианты общественно-политического порядка. Не пора ли остановиться и поговорить на тему, что же мы делаем, когда говорим? Речь – важнейший объект изучения: слушая чужие речи, мы волнуемся, испытываем восторг или негодование, словом можно воодушевить и оскорбить, позвать в атаку и на баррикады, можно насмешить или унижить, можно благословить или проклясть. Все философы знают это, но никогда не пытались систематически об этом думать. Напротив, традиционно они учили риторике, ораторскому искусству.

Каждый знает, сколько кругом пустословия – ораторы неистовствуют на митингах, депутаты витийствуют в парламентах, соревнуются в красноречии в Лиге наций. А что находим в многочисленных философских трактатах? «Ничто ничтит» или «Ничто ничтожествует» – о чем это? А ведь нас много раз предупреждали об опасности, даже поэты: «Есть речи – значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волненья / Внимать невозможно» (Лермонтов), «Мысль изреченная есть ложь» (Тютчев). В таком ракурсе появляется программа

«лингвистического поворота» в философии. Сьюзен Лангер подчеркивает, что эта программа захватывает *всю философию XX века* [Лангер, с. 8].

В кипящем омуте пустословия существует только один остров, скорее, скалистый утес, – наука. Но и ее берега омывают мутные волны. Философская задача становится конкретной – *логический анализ языка науки*. Опять шок – а как же тогда ставить так называемые «смысложизненные вопросы», ведь они всегда считались главными для практики разнообразного философствования? Наука на такие вопросы никогда не отвечала и не бралась отвечать.

Графика научного миропонимания

Сужение философской задачи привело к довольно примечательной новации: в самой логике появляется проблема *бессмысленности*. Прежде логика помогала мышлению, разоблачая логические ошибки. Новая тема привела в конечном счете к тому, что логики стали наблюдать, фиксировать и типологизировать разнообразные случаи бессмысленных высказываний: например, «если идет снег, то паровоз», «круглый квадрат», «законы логики желтые», «зеленые идеи яростно спят», «с моей точки зрения, у Наташи вообще нет имени» и т.п. В «Словаре по логике» появляется строгое предупреждение, которое выглядит примерно так: «Бессмысленное – это языковое выражение, не отвечающее требованиям синтаксиса или семантики языка». Приводится много различных примеров «бессмысленного» [Краткий словарь по логике, 1991, с. 19]. Иначе говоря, логика теперь фиксирует нарушение каких-то языковых правил (или создание конфликта с этими правилами), а эти правила обеспечивают коммуникацию между людьми. Бессмысленное не есть ложное, хотя не обладает и истинностным значением. Истинностное/ложное значение имеют только осмысленные высказывания. «Бессмысленное» вообще несопоставимо с действительностью! Наука по этой причине не допускает бессмысленных высказываний! Это утверждается как норма. Нельзя сказать, что логический позитивизм ответил на вопрос, что такое смысл, но критерии «бессмысленности» сформулировал четко (по крайней мере, для науки) – отсутствие денотата для слова, референции – для высказываний. Отсутствие контакта с *реальностью*. Неслучайно в дальнейших дискуссиях о специфике научного мировоззрения перестанут употреблять советское противопоставление «материализм/идеализм», теперь все заговорят о «научном реализме» и его проблемах.

Морис Шлик писал, поясняя позицию Венского кружка: «Часто Венскую школу обвиняют в том, что она состоит не из философов,

а из врагов философии. Говорят, что учение этой школы ничего не дает для развития и прогресса философии, а служит лишь уничтожению философии. <...> Так называемые “анти-метафизики” часто несправедливы по отношению к традиционной философии, утверждая, будто она представляет собой в основном совокупность псевдопроблем. Я же, наоборот, полагаю, что у нас есть все основания гордиться тем, что наши идеи явились результатом длительного исторического пути человеческого духа» [цит. по: Крафт, 2003, с. 46–47]. Виктор Крафт прибавляет к сказанному: «Конечно, тот, кто в философии видит выражение жизненной мудрости, субъективное понимание мира и жизни, кто в своих спекулятивных построениях находит окутанные тайной, непознаваемые основы миропорядка или выраженную в понятиях поэзию мира, тот может, конечно, рассматривать философию Венского кружка как убогую нищету, ибо она отвергает все то, чего нельзя достичь средствами науки» [Там же, с. 47]. Иначе говоря, Венская школа работает над задачей *очищения слов и высказываний*, уводящих от реальности.

Рудольф Карнап справедливо заметил: «Ввиду того, что путаница сфер в разговорном языке не ведет к большим бедам, на нее вообще не обращают внимания. Однако это целесообразно лишь по отношению к обычному словоупотреблению, в метафизике это ведет к губительным последствиям» [Карнап, 1998, с. 84]. И далее: «При ближайшем рассмотрении, в неоднократно менявшейся одежде, узнается то же содержание, что и в мифе: мы находим, что метафизика также возникла из потребности выражения чувства жизни, состояния, в котором живет человек, эмоционально-волевого отношения к миру, к близкому, к задачам, которые он решает, к судьбе, которую он переживает. Это чувство жизни выражается в большинстве случаев бессознательно, во всем, что человек делает и говорит, оно фиксируется в чертах его лица, может быть, также и в его походке. Некоторые люди сверх этого имеют еще потребность особого выражения своего чувства жизни, более концентрированного и убедительнее воспринимаемого [они становятся художниками]... Для нашего исследования существенно лишь то, что искусство адекватное, метафизика, напротив, неадекватное средство для выражения чувства жизни. <...> В случае метафизики дело обстоит так, что форма ее произведения имитирует то, чем она не является» [Карнап, 1998, с. 87]. Карнап пытается прояснить процедуру «очищения», показывает, как можно выяснить, обладает ли некое незнакомое слово (допустим, к примеру, «бечичный») *денотатом*, обладает ли изучаемое слово функцией «*означения*» реальности. Конечный вывод убийственно прозрачен: «Предложение означает лишь то, что в нем верифицируемо. <...> О чем-либо, лежащем принципиально по ту сторону опытного, нельзя ни сказать, ни мыслить, ни спросить» [Там же, с. 84]. Это звучит как приговор.

Что касается науки, то ни с кем консультироваться не пришлось. Науку в Венском кружке знали не понаслышке. Шлик защитил свою докторскую степень под руководством Макса Планка «Об отражении света в неоднородной среде», в 1917 г. опубликовал монографию «Пространство и время в современной физике», где представил, вероятно, первое философское осмысление новейшей теории Эйнштейна. Видные математики и физики, социологи и экономисты – Курт Гёдель (автор знаменитой теоремы), Ганс Ган (диссертация «Замечания к вариационному исчислению»), Филипп Франк (работал и с Махом, и с Эйнштейном, приват-доцент по теоретической физике в Венском университете), Отто Нейрат (исследования в области экономики), Рихард фон Мизес (брат знаменитого экономиста, имел инженерное образование, публиковал математические работы) и другие практикующие ученые не нуждались в пояснениях, что такое наука, они просто ею занимались, вели научные исследования. Один из будущих лидеров Кружка Рудольф Карнап получал образование под руководством Г. Фреге, у которого изучал такие математические дисциплины, как аналитическая геометрия, теория функций, алгебраический анализ, теория чисел и т.п. Новый стиль философии требовал такой подготовки. Это напоминало девиз, висевший над входом в Академию Платона: «Негеометр да не войдет».

Вероятно, по этой причине споров о том, как мыслить саму науку, практически не велось. Самое главное в стройном здании науки – теория, которая представляет собой некий умозрительный конструкт. Теория возникает индуктивным путем, как обобщение эмпирических данных. Но этим дело не успокаивается. Теория должна работать, следовательно, полагается заставить ее сделать предсказание – следствие, которое может быть «разрешимо в наблюдении». Если предсказанное явление фиксируется *наблюдателем*, теория *верифицируется* (подтверждается). Следовательно, с такой теорией можно двигаться дальше, она обладает – на данный момент – *значением истинности*. Чрезвычайно просто и понятно каждому исследователю, каждому натуралисту. Стоит вспомнить, какая картина процессов, происходящих в природе, была нарисована таким великим философом, как Гегель: «Рождение звука с трудом поддается пониманию. Когда специфическое внутри-себя-бытие, отделившись от тяжести, проступает наружу, это и есть звук; это – жалоба идеального, находящегося во власти другого, но вместе с тем и его торжество над этой властью, ибо оно сохраняет в ней себя» [Гегель, 1934, с. 184]. Напрашивается риторический вопрос: способен ли естествоиспытатель увидеть здесь «научное миропонимание»?

Ясная и доступная, без всякой «метафизики», схема работы в науке, представленная Венским кружком, была романтизирована в знаменитом романе «Эроусмит» Синклера Льюиса. За это произведение писатель получил первую для США Нобелевскую премию

по литературе (1930 г.). В нем присутствует подлинное понимание особенностей научного поиска, чему не приходится удивляться, так как другом, консультантом и вдохновителем писателя был знаменитый микробиолог Поль де Крюи (С. Льюис выразил ему благодарность за «неоценимую помощь»). Нобелевская премия была с таким восторгом принята в Соединенных Штатах, что Голливуд уже в 1931 г. выпустил кинофильм «Эроусмит», где главные роли сыграли самые знаменитые на тот момент актеры (фильм был номинирован на премию «Оскар» сразу в четырех номинациях). Один из главных персонажей романа – микробиолог Макс Готлиб – наставляет своего ученика – Мартина Эроусмита: «Быть ученым – это не просто особый вид работы, не так, чтобы человек просто может выбрать: быть ли ему ученым или стать путешественником, коммивояжером, врачом, королем, фермером. <...> Нормальный человек мало беспокоится о том, что он делает, лишь бы работа позволяла есть, спать и любить. Ученый же глубоко религиозен – так религиозен, что не желает принимать полуистины, потому что они оскорбительны для его веры» [Льюис, 1998, с. 308].

Мартин, молодой микробиолог, после многих лет подготовки получил доступ в лабораторию для проведения задуманного эксперимента. Волнуясь перед первой самостоятельной работой, он произносит для себя нечто вроде молитвы: «Боже, дай мне незамутненное зрение и избавь меня от поспешности. Боже, дай мне покой и нещадную злобу ко всему показному, к показной работе, к работе расхлябанной и незаконченной. Боже, дай мне неутомности, чтобы я не спал и не слушал похвалы, пока не увижу, что *выводы из моих наблюдений сходятся с результатами моих расчетов* (курсив мой. – Н.К.), или пока в смиренной радости не открою и не разоблачу свою ошибку. Боже, дай мне сил не верить в Бога!» [Там же, с. 310]. Четкая графика научного поиска столь верно выражена здесь в художественно-эмоциональной форме! Лев Ландау, советский лауреат Нобелевской премии по физике 1962 г., признал: «Из книг для меня (не считая “Скучной истории” Чехова) до сих пор лучшей остается “Эроусмит” Синклера Льюиса, дающая яркую картину психологии работника науки» [цит. по: Там же, с. 520].

Сколько же было написано в XX в. о «кризисе» логического позитивизма – на всех языках, где только велись философские работы! Виктор Крафт, сам активный участник Венского кружка и первый его историк, прекрасно показал, что работа прекратилась не потому, что зашла в тупик. Не вдаваясь в подробности, он скупко констатировал, что работа Кружка была прервана: «В Европе началась война. В целом это был блестящий взлет. Венский кружок дал начало международному философскому течению – неопозитивизму или неоземпиризму. Сам Венский кружок нес тяжелые потери. <...> В Вене больше не существовало Венского кружка. Однако заданное

им направление получило широкое распространение за рубежом» [Крафт, 2003, с. 44–45]. Крафт старательно и подробно перечисляет, куда направились деятели Круга после аншлюса Австрии – прежде всего в США (Рейхенбах, фон Мизес, Карнап, Фейгль), в Англию (Вайсман, Айер, Поппер многое сделали там для пропаганды неопозитивизма), в Финляндию, Францию. «Только в Германии направление, представленное Венским кружком, не получило никакого распространения» [Там же]. Прибавим к этому, что в СССР оригинальные работы неопозитивизма как-то сразу попали в «спецхран» и долгое время не были доступны широкому философскому сообществу. Однако трудно себе вообразить бесчисленное количество кандидатских и докторских диссертаций, которые были защищены по направлению «критика буржуазной философии», и, конечно, все они демонстрировали «глубочайший идейный кризис» логического позитивизма. Зато некоторые оригинальные тексты Круга ходили в «самиздате». Перевод книги Виктора Крафта (переводчик неизвестен) разошелся среди философской молодежи в 1970-е гг., распечатанный, как полагалось для машинописного тиражирования, на папиросной бумаге. Только в 90-е гг. XX и «нулевые» годы XXI в. в России были переведены и тиражированы многие работы Венского кружка, включая некоторые выпуски „Erkenntnis“.

Но интерес к классике такого рода теперь уже угас, зато модными и сильными в сообществе стали влияния так называемой континентальной философии, для которой Венский кружок никогда и не был «философским». С этим ничего не поделаешь. Верными идеям логического позитивизма, не ведая того, остались только практикующие естествоиспытатели. Думаю, многие экспериментаторы и сегодня готовы повторять «молитву» Мартина Эроусмита.

Как бы ни хоронили концепцию логического позитивизма «континентальная философия», или идеологически мотивированные философы, или даже новейшие инициативы современной философии науки, научное миропонимание остается инвариантным. Венскому кружку удалось выразить в своем манифесте („Wissenschaftliche Welt-auffassung“) и в своих трудах то, что заключено в самой сердцевине ремесла практикующих сегодня исследователей, действует на уровне их «неявного знания», отражается в каждой достойной научной публикации. В Круге это понимали: «Этот дух научного миропонимания жив в исследовательской работе всех отраслей опытной науки. Систематически продуман и основательно представлен он, однако, лишь немногими ведущими мыслителями, и эти последние лишь редко оказываются в состоянии собрать вокруг себя круг единомышленников» [Карнап и др., 2005, с. 13].

Мода (интеллектуальная мода здесь не исключение!) преходяща, а классика – вечна. Потому и повторяют: «Читайте и перечитывайте классику!»

* * *

Мы рассматриваем любое интеллектуальное наследие, следуя «бегунку» времени, переводя «бегунок» (как на бумажном календаре, который висит на стене) по оси исторического времени, постоянно изменяя контекст своей рецепции, выделяя в прошлом то одно, то другое содержание, переписываем траектории развития идей и «усматриваем» то, чего ранее не «усматривали». Это неизбежно, потому что сами живем в неумолимом темпоральном режиме. Венскому кружку – 100 лет. Много воды утекло, многое проявилось, что только намечалось. Мне хотелось вспомнить и отметить будоражащую парадоксальность идей Венского кружка, при всем их стремлении выражаться ясно и точно. Правда, о том, о чем нельзя сказать ясно, следует промолчать. Но нельзя же равнодушно пройти мимо их способности взрывать то, что было привычным, выявлять неясность в том, что казалось ясным. В таком моем восприятии проясляется время, в котором живем. Кругом слова-перевертыши или пустышки, слова-плацебо, фразы с вывернутым наизнанку содержанием. Поэтому сегодня на первый план рецепции заслуг Венского кружка вышла работа на «кафедре оксюмористики». Их страстный призыв к «очищению» говорения.

Список литературы

- Гегель, 1934 – *Гегель Г.Ф.* Соч. Т. II. М.; Л.: СОЦЭГГИЗ, 1934.
- Гиленсон, 1998 – *Гиленсон Б.* Предисловие // *Льюис С.* Эроусмит / Пер. с англ. Н.Д. Вольпин. М.: Панорама, 1998.
- Карнап, 1998 – *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. с англ. А.В. Кезина // *Аналитическая философия: становление и развитие.* Антология / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–89.
- Карнап и др., 2005 – *Карнап Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок / Пер. с англ. Я. Шрамко // *Логос.* 2005. № 2 (47). С. 13–27.
- Краткий словарь..., 1991 – *Краткий словарь по логике* / Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров; под ред. Д.П. Горского. М.: Просвещение, 1991.
- Крафт, 2003 – *Крафт В.* Венский кружок. Возникновение неопозитивизма / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: Идея-Пресс, 2003.
- Лангер, 2000 – *Лангер С.* Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства / Пер. с англ. С.П. Евтушенко; общ. ред. и послесл. В.П. Шестакова. М.: Республика, 2000.
- Льюис, 1998 – *Льюис С.* Эроусмит / Пер. с англ. Н.Д. Вольпин. М.: Панорама, 1998.
- Никифоров, 1998 – *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.

References

Carnap, R. “Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka” [Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache], trans. by A.V. Kezin, in: A.F. Gryaznov (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie. Antologiya* [Analytic Philosophy: The Rise and Development]. Moscow: Dom Intellektualnoy Knigi, 1998, pp. 69–89. (Trans. into Russian)

Carnap, R., Han, H., Neurath, O. “Nauchnoe miroponimanie – Venskii kruzhok” [Wissenschaftliche Weltauffassung Der Wiener Kreis], trans. by Ya. Shramko, *Logos*, 2005, no. 2 (47), pp. 13–27. (Trans. into Russian)

Gilenson, B. “Predislovie” [Foreword], in: Lewis, S. *Erousmi* [Arrowsmith]. Moscow: Panorama, 1998. (Trans. into Russian)

Gorskiy, D.P., Ivin, A.A., Nikiforov, A.L. (eds.) *Kratkii slovar’ po logike*. Moscow: Prosveshchenie, 1998. (In Russian)

Kraft, V. *Venskii kruzhok. Vozniknovenie neopozitivizma* [The Vienna Circle. The Origins of Neo-Positivism]. Moscow: Idea-Press, 2003. (Trans. into Russian)

Hegel, G.W.F. *Sochineniya* [Works], vol. 2. Moscow: SOCEKGIZ, 1934. (Trans. into Russian)

Langer, S.; S.P. Evtushenko (trans.), V.P. Shestakov (ed.) *Filosofiya v novom klyuche. Issledovanie simvoliki razuma, rituala i iskusstva* [Philosophy in a New Key. A Study in the Symbolism of Reason, Rite, and Art]. Moscow: Respublika, 2004. (Trans. into Russian)

Lewis, S. *Erousmi* [Arrowsmith], trans. by N.D. Volpin. Moscow: Panorama, 1998. (Trans. into Russian)

Nikiforov, A.L. *Filosofiya nauki: istoriya i metodologiya* [Philosophy of Science: Tradition and Methodology]. Moscow: Dom Intellektualnoy Knigi, 1998. (In Russian)